

А.Д. Попов*

**ПРАЗДНОВАНИЕ 50-ЛЕТИЯ ВОССТАНИЯ
НА БРОНЕНОСЦЕ «ПОТЕМКИН» В 1955 ГОДУ:
МЕРОПРИЯТИЯ ОФИЦИАЛЬНОЙ КОММЕМОРАЦИИ
И ИХ ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ****doi:10.31518/2618-9100-2024-6-15
УДК 94(47).083+94(47).084.9*Выходные данные для цитирования:**Попов А.Д. Празднование 50-летия восстания на броненосце «Потемкин» в 1955 году: мероприятия официальной коммеморации и их противоречивость // Исторический курьер. 2024. № 6 (38). С. 215–227.**URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-15.pdf>*

A.D. Popov*

**CELEBRATION OF THE 50TH ANNIVERSARY
OF THE MUTINY ON THE BATTLESHIP “POTEMKIN”
IN 1955: OFFICIAL COMMEMORATION EVENTS
AND THEIR INCONSISTENCY****

doi:10.31518/2618-9100-2024-6-15

*How to cite:**Popov A.D. Celebration of the 50th Anniversary of the Mutiny on the Battleship “Potemkin” in 1955: Official Commemoration Events and Their Inconsistency // Historical Courier, 2024, No. 6 (38), pp. 215–227.**[Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-15.pdf>]*

Abstract. The article analyzed the main events related to the celebration of the 50th anniversary of the armed mutiny of the crew on the Black Sea battleship “Prince Potemkin-Tauride”, which in the Soviet historical narrative was considered as one of the most important events of the first Russian revolution of 1905–1907. The content and implementation of the main decisions of the highest authorities of the USSR related to narrative, ritual-ceremonial (event), monumental commemoration of this event. It is also shown that the most relevant measures directly for Potemkintsy related to their rewarding and material incentives were not included in the initial package of anniversary decisions and were implemented only under the influence of bottom-up initiatives. It is also concluded that half a century after the mutiny on the battleship Potemkin, despite the communicative memory of the living participants in the events, it acquired the characteristic features of a historical and cultural myth, subordinate to the logic of the glorification of the revolutionary movement and the absolutization of the role of the Bolsheviks led by V.I. Lenin.

Keywords: memory policy, commemoration, anniversary, ideology, memorial conflict, the first Russian revolution of 1905–1907, the battleship “Potemkin”, V.I. Lenin, Sevastopol, Odessa, USSR.

The article has been received by the editor on 30.08.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье проанализированы основные мероприятия, связанные с празднованием 50-летнего юбилея вооруженного восстания экипажа на черноморском броненосце «Князь Потемкин-Таврический», которое в советском историческом нарративе рассматривалось как одно из важнейших событий первой русской рево-

* **Алексей Дмитриевич Попов**, кандидат исторических наук, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия, e-mail: popalex79@mail.ru

Aleksei Dmitrievich Popov, Candidate of Historical Sciences, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia, e-mail: popalex79@mail.ru

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00812 (<https://rscf.ru/project/23-28-00812/>).

Funding: The research was supported by the Russian Science Foundation, project No. 23-28-00812 (<https://rscf.ru/project/23-28-00812/>).

люции 1905–1907 гг. Охарактеризовано содержание и выполнение основных решений высших органов власти СССР, связанных с нарративной, ритуально-церемониальной (событийной), монументальной коммеморацией данного события. Показано, что наиболее актуальные непосредственно для потемкинцев меры, связанные с их награждением и материальным поощрением, не входили в первоначальный пакет юбилейных решений и были реализованы только под влиянием инициатив «снизу». Также делается вывод о том, что спустя полвека после восстания на броненосце «Потемкин», несмотря на наличие коммуникативной памяти живых участников событий, оно приобрело характерные черты историко-культурного мифа, подчиненного логике героизации революционного движения и абсолютизации роли большевиков во главе с В.И. Лениным.

Ключевые слова: политика памяти, коммеморация, юбилей, идеология, мемориальный конфликт, первая русская революция 1905–1907 гг., броненосец «Потемкин», В.И. Ленин, Севастополь, Одесса, СССР.

Статья поступила в редакцию 30.08.2024 г.

Массовое неповиновение командованию, проявленное частью флотского экипажа на входившем в состав Черноморского флота эскадренном броненосце «Князь Потемкин-Таврический», и переход судна на 11 суток под контроль восставших являются одним из наиболее резонансных и сохранившихся в коллективной памяти событий первой русской революции 1905–1907 гг. Известности восстания (в негативных трактовках – бунта, мятежа) на броненосце «Потемкин»¹ способствовало то, что в советский период данное событие стало важным «местом памяти» и нашло широкое отражение в нарративной, образно-творческой, монументальной топонимической коммеморации.

Особое значение для медиатизации события имела культовая киноэпопея режиссера С.М. Эйзенштейна «Броненосец “Потемкин”» (1925) – один из самых известных фильмов советской эпохи, имевший также беспрецедентную популярность за рубежом². Топоним «Потемкинская лестница» получил широкое распространение относительно одной из главных архитектурных достопримечательностей Одессы, запечатленной и в фильме Эйзенштейна. 27 июня 1965 г. в непосредственной близости от Потемкинской лестницы на том месте, где ранее в разное время уже находились два памятника (сначала Екатерине II и ее сподвижникам – основателям Одессы, а затем Карлу Марксу), был торжественно открыт новый многофигурный монумент с надписью-эпитафией: «Потемкинцам – потомки».

Менее известно, что во второй половине 1930-х гг. на сцене самых известных театров Советского Союза ставилась опера О.С. Чишко «Броненосец “Потемкин”». Тема восстания на ставшем легендарном броненосце также нашла свое отражение в советской художественной литературе, драматургии, изобразительном, вокальном и даже балетном искусстве. В 1955 г. на страницах газеты «Советская культура» констатировалось, что «о подвиге потемкинцев снова и снова поэты слагают стихи, снова и снова вдохновляет он наших художников. На заре советской кинематографии гордому подвигу был посвящен фильм,

¹ Полное название военного судна – «Князь Потемкин-Таврический» – в текстах советского периода практически не использовалось, заменяясь сокращенным названием «Потемкин». После поражения восстания броненосец был переименован и получил новое название «Пантелеймон». После Февральской революции 1917 г. ему было на короткий срок было возвращено прежнее название. Затем, по требованию команды, он получил революционное название «Борец за свободу», но уже в 1924–1925 гг. из-за неудовлетворительного технического состояния был выведен из состава Черноморского флота и утилизирован.

² Первоначально фильм должен был называться «1905» и охватывать намного более широкий круг революционных событий, но под влиянием различных обстоятельств Эйзенштейн переработал сценарный план и сконцентрировался именно на сюжете восстания потемкинцев.

которому суждено было стать знаменем нашего кино, вдохновенной эпопеей, и сейчас волнующей сердца»³.

Ретроспективная картина восстания потемкинцев⁴ с исторической точки зрения подробно описана в трудах отечественных историков советского⁵ и постсоветского⁶ периодов, а также в книгах западных авторов⁷. Среди имеющихся работ своей фактографичностью и отказом от советских идеологических штампов в пользу принципов научности и документальности выделяется книга Ю.П. Кардашева «Восстание. Броненосец «Потемкин» и его команда» (2008). Однако тема коммеморации восстания на «Потемкине» в советский период до сих пор не стала объектом отдельного внимания исследователей. В данной статье планируется частично заполнить эту лауну. На примере организованного в 1955 г. празднования 50-летнего юбилея рассматриваемых событий будут охарактеризованы некоторые особенности официальной политики памяти советского периода, в том числе определенные противоречия, латентно присутствовавшие в мемориальной культуре, но не приводившие к открытым конфликтам.

Категории, связанные с цикличностью времени, играют очень важную роль в мемориальной культуре и политике памяти. Темпоральный ритм коммеморации задает официально утвержденный **мемориальный календарь**, включающий ежегодные памятные даты, кратные 5-ти и 10-ти годовщины, юбилеи различного статуса, уровня и содержания. Для мемориальной культуры они являются тем, что американский социолог Эвиатар Зерубавель (Eviatar Zerubavel) называл «сакральным временем» – в отличие от обыденного «профанного времени»⁸. Календарность проявляется в том, что основные коммеморативные практики всегда очень явно коррелируют с памятными датами. Безусловно, такая закономерность присуща не только советскому периоду, но очень характерна именно для него. Поэтому неслучайно, например, что фильм С.М. Эйзенштейна был целенаправленно приурочен к 20-летней годовщине отраженных в нем событий. Издание книг об истории восстания на броненосце «Потемкин» и мемуаров его участников в Советском Союзе также часто было приурочено к «пятикратным» годовщинам события⁹.

Броненосец «Князь Потемкин-Таврический», как и все основные суда Черноморского военно-морского флота в дореволюционный период, был приписан к порту Севастополь. Однако восстание на нем началось 14 июня (27 июня по новому стилю) 1905 г. во время учебного плавания в северо-западной части Черного моря у Тендровской косы, в непосредственной близости от портов Одесса и Очаков. Затем судно несколько дней находилось на рейде одесского порта, пока восставшие пытались определиться с дальнейшей стратегией и организовать взаимодействие с участниками рабочих выступлений и антиправительственно настроенными военными местными воинских частей. В эти дни в Одессе был похоронен один из инициаторов мятежа потемкинцев – унтер-офицер Г.Н. Вакуленчук, погибший в ходе противостояния на борту судна. Затем неподконтрольный военному командованию броненосец совершил морской переход по маршруту Констанца – Феодосия –

³ Найда С. Великий подвиг // Советская культура. 1955. 25 июня.

⁴ Здесь и далее в статье определение «потемкинцы» применяется для обозначения той части экипажа, которая примкнула к восстанию в июне 1905 г., а не всех матросов, когда-либо проходивших службу на броненосце «Князь Потемкин-Таврический».

⁵ Гаврилов Б.И. В борьбе за свободу: Восстание на броненосце «Потемкин». М., 1987; Найда С.Ф. Революционное движение в Черноморском флоте в годы Первой русской революции (1905–1907 гг.). Симферополь, 1950. С. 17–50; Столяренко М.А. Непобежденная территория революции: (Восстание на броненосце «Потемкин»). М., 1974; и др.

⁶ Кардашев Ю.П. Восстание. Броненосец «Потемкин» и его команда. Киров, 2008; Шугин В.В. Мятежный броненосец «Потемкин»: в истории и в кино. М., 2016; и др.

⁷ Vascob N. Red mutiny: eleven fateful days on the battleship Potemkin. Boston; New York, 2007; Hough R. The Potemkin mutiny. London, 1960.

⁸ См.: Zerubavel E. Hidden Rhythms: Schedules and Calendars in Social Life. Berkeley, 1985. P. 101–137.

⁹ Генкин И.И. Восстание на броненосце «Потемкин Таврический»: Кк двадцатилетию восстания. М.; Л., 1925; Лычев И.А. Потемкинцы. Хабаровск, 1935; Платонов А.В. Броненосец «Потемкин» (к 25-тилетию революции 1905 года и восстания матросов на Черном море). Симферополь, 1930; и др.

Констанца, после чего 25 июня (8 июля по новому стилю) 1905 г. судно и его экипаж оказались под контролем румынских властей. Именно эти перемещения «Потемкина» впоследствии во многом определили географию коммеморации восстания.

В марте 1935 г., за несколько месяцев до 30-летней годовщины восстания, группа потемкинцев обратилась непосредственно к И.В. Сталину с просьбой отметить государственным актом приближающуюся «круглую дату», а также оказать государственную поддержку тем из них, кто по состоянию здоровья потерял трудоспособность. Сделать это предлагалось «не на общих основаниях собеса, а более *повышенно*¹⁰, как [для] людей, принимавших активное участие в восстании Черноморского флота в 1905 году»¹¹. Сталин формально поддержал предложение, в частности есть сведения о том, что в 1935 г. группа из 17 потемкинцев была награждена почетными грамотами ЦИК СССР¹². Но каких-то масштабных торжеств в связи с этой годовщиной тогда не проводилось. Однако это не означало, что данное событие вышло за рамки актуального политического дискурса. Так, в «Кратком курсе» истории ВКП(б) 1938 г. оно называлось «*первым* массовым революционным выступлением в армии и флоте, *первым* переходом крупной части царских войск на сторону революции»¹³. Но более универсальной и актуальной на протяжении всего советского периода оказалась характеристика В.И. Ленина, который называл мятежный броненосец «непобежденной территорией революции», а само восстание «попыткой образования ядра революционной армии»¹⁴.

Календарная логика коммеморации конкретных событий и персоналий обычно усиливается пропорционально увеличению хронологической дистанции и проявляется на новом уровне во время празднования «круглых» «больших» дат, вследствие чего отдельные исследователи даже используют понятия «диктатура юбилеев» или «юбилеемания». Примечательно, что именно во второй половине 1950-х гг. в советском нормативно-правовом поле было четко закреплено положение, согласно которому понятие «юбилей» могло применяться к событиям, произошедшим не менее чем 50 лет назад¹⁵. По всей видимости, это было связано с личной позицией Н.С. Хрущева и свойственным для него «коммунистическим пуризмом», проявляющимся в стремлении сократить официальные празднования и награждения, в том числе с целью минимизации связанных с ними расходов¹⁶. Однако сам советский проект, включая Великую Октябрьскую социалистическую революцию, ставшую «мифом основания», имел к тому времени всего лишь 40-летний исторический горизонт. Поэтому для поддержания его значимости с учетом календарности мемориальной культуры стратегическим решением стало искусственное «удревнение», достигавшееся путем юбилейной коммеморации важных событий истории революционного (шире – рабочего, народно-демократического, антимоноархического) движения до 1917 г. Помимо этого, в СССР достаточно широко отмечался 50-летний юбилей русско-японской войны 1904–1905 гг.¹⁷ Это достаточно противоречивое событие отечественной истории не только вписывалось в традиционный канон чествования общенациональной воинской доблести (главным образом благодаря сюжету с крейсером «Варяг»), но и историографически было интерпрети-

¹⁰ Здесь и далее в цитатах выделение курсивом сделано автором статьи.

¹¹ См.: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 163. Д. 1056. Л. 123–127.

¹² Кардашев Ю.П. Восстание. Броненосец «Потемкин» и его команда... С. 195, 206.

¹³ Цит. по: Найда С.Ф. Революционное движение в Черноморском флоте... С. 3.

¹⁴ См., например: Мусьяков П. «Непобежденная территория революции» // Литературная газета. 1955. 25 июня; Пятьдесят лет первой русской революции (Тезисы) // Правда. 1955. 22 января.

¹⁵ 12 декабря 1958 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли совместное постановление, разрешавшее официально праздновать в статусе юбилейных даты не ранее 50-летия (О наведении порядка в праздновании юбилеев... // Сборник законодательных актов о государственных наградах СССР. М., 1987. С. 219).

¹⁶ Подробнее см.: Савин А.И. Коммунистический пуризм Н.С. Хрущева и государственная наградная политика «славного десятилетия» // Гуманитарные науки в Сибири. 2022. № 4. С. 55–63.

¹⁷ См.: Антипин Н.А. 50-летие Русско-японской войны в СССР: коммеморативные практики 1954–1955 // Диалог со временем. 2012. Вып. 40. С. 79–93.

ровано как один из мощных катализаторов революционных выступлений 1905–1907 гг. в Российской империи.

17 июня 1955 г. на заседании Президиума ЦК КПСС в связи с предстоящим 50-летним юбилеем восстания на броненосце «Потемкин» были утверждены следующие поручения органам исполнительной власти:

1. Закончить проектирование и в 1956 г. установить в Одессе памятник в честь вооруженного восстания на броненосце «Потемкин».

2. Установить бюст руководителя социал-демократической организации броненосца «Потемкин» Г.Н. Вакуленчука на его могиле в Одессе и на его родине в селе Великие Коровинцы Житомирской области Украинской ССР.

3. Обязать Министерство морского флота СССР присвоить одному из кораблей Черноморского государственного морского пароходства наименование «Григорий Вакуленчук».

4. Провести 27 июня 1955 г. в городах Москве, Севастополе и Одессе торжественные собрания трудящихся с представителями Советской Армии и Военно-морского флота.

5. Опубликовать в журналах, центральных и военных газетах статьи, посвященные восстанию на броненосце «Потемкин», а также организовать тематические передачи по радио и телевидению¹⁸.

Также высшая партийная инстанция одобрила ряд инициатив, предложенных Министерством обороны СССР, которое в то время возглавлял Г.К. Жуков. Одна из них касалась приглашения за счет военного ведомства в Москву для участия в праздничных мероприятиях группы бывших участников восстания из Румынии. По состоянию на июнь-июль 1955 г. в Советском Союзе проживало около 90–95 потемкинцев, т.е. немногим более 10 % от списочного состава экипажа¹⁹, а в социалистической Румынии еще 16 человек²⁰. В июле 1955 г. 13 из них действительно смогли приехать в Москву, где их ожидала интересная экскурсионная программа и встреча с проживающими в СССР потемкинцами, заслуженными деятелями революционного движения и представителями советской общест-венности в Центральном Доме Советской Армии²¹. Во многом сходные сценарии приглашения гостей из-за рубежа использовались в том же 1955 г. в связи с празднованием 10-летия Великой Победы²².

Как видно из текста решения Президиума ЦК КПСС, первоначально речь шла о мероприятиях ритуально-церемониальной, нарративной, монументальной коммеморации, т.е. в большей степени рассчитанных на публично-медийный эффект. **Нарративная коммеморация** восстания на броненосце «Потемкин» вписывала этот сюжет в общую героическую картину истории революционного движения. Как метафорично написал в своих воспоминаниях потемкинец И.А. Лычев: «Гром пушек “Потемкина” на Одесском рейде <...> слился в единый залп с выстрелами “Авроры” на Неве»²³. Реальные исторические события схематизировались и выстраивались в логике историко-культурного мифа, формирующей матрицей которого выступала коммунистическая идеология. По свидетельству очевидцев, когда

¹⁸ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 50. Д. 596. Л. 21–22.

¹⁹ Изучив значительный массив документов, в том числе 36 различных вариантов списков потемкинцев, историк Ю.П. Кардашев оценивает численность экипажа броненосца на момент восстания в 799 человек, из них 781 – матросов и нижних чинов (*Кардашев Ю.П.* Восстание. Броненосец «Потемкин» и его команда... Указ. соч. С. 204–206, 429).

²⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 596. Л. 58.

²¹ Вечер встречи с моряками броненосца «Потемкин» // Слава Севастополя. 1955. 27 июля; *Пономарев И.И.* Судьбы героев: записки журналиста о поисках матросов крейсера «Варяг» и броненосца «Потемкин». Мурманск, 1961. С. 144–146.

²² См.: *Попов А.Д., Пивоваров Н.Ю., Сак К.В.* Ритмы прошлого: первые годовщины Великой Отечественной войны в советской политике памяти 1945–1965 гг. // Российская история. 2023. № 3. С. 107–109; *Сак К.В.* Участники движения Сопротивления во Франции и советская наградная дипломатия (1955–1965 годы) // Исторический курьер. 2021. № 3 (17). С. 137–138.

²³ *Лычев И.А.* Потемкинцы: Воспоминания участника восстания на броненосце «Князь Потемкин-Таврический». 2-е изд., испр. М., 1954. С. 133.

во время юбилейных мероприятий 1955 г. в Москве группе потемкинцев был в очередной раз показан снятый за 30 лет до этого киношедевр Эйзенштейна, они начали публично предъявлять претензии к содержанию художественного фильма: «Почему не показана в фильме социал-демократическая организация корабля?», «В фильме следовало показать трудности, вставшие перед большевиками броненосца, подрывную работу во время восстания эсеров, анархистов, меньшевиков...!», «Почему главным героем выведен в фильме Афанасий Матюшенко, а не Григорий Вакуленчук, любимец матросов, вожак революционной команды?», «Почему не показано отношение партийного руководства [и Владимира Ильича Ленина] к восстанию?»²⁴.

Озвучивание такого рода идеологических штампов непосредственными очевидцами событий свидетельствует о том, что из-за активного использования истории восстания в советской пропаганде образ этого события из сферы «живой» коммуникативной памяти переходил в разряд культурной памяти с ее очевидной нарративизацией и схематизацией²⁵. Например, в текстах публичного дискурса всегда упоминалось о поднятии на броненосце революционного красного флага. В состоящей всего из пяти куплетов песне «Броненосец “Потемкин”» (слова И.Л. Френкеля, музыка М.Е. Табачникова) это событие упоминалось дважды – в начальном («Черное море шумело, / Билось о берег прибоем седым. / Шел броненосец “Потемкин”, / И знамя свободы горело над ним») и финальном куплетах («Черное море шумело. / Вспыхнуло утро зарей штормовой. / Флаг революции гордо вздымая, / Он шел, броненосец-герой»)²⁶. Однако в действительности, если опираться на материалы опубликованного уже в постсоветский период исследования Ю.П. Кардашева, эпизодическое поднятие сигнального красного флага на броненосце «Потемкин» имело совершенно иное значение. В соответствии с военно-морским уставом того времени это означало готовность к артиллерийской стрельбе и являлось актом внешнего устрашения, а не демонстрацией революционных взглядов экипажа.

Одному из инициаторов восстания, артиллерийскому квартирмейстеру Г.Н. Вакуленчуку²⁷, приписывались членство в большевистском крыле Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), хотя прямых документальных подтверждений этого историкам так и не удалось обнаружить – данный факт реконструировался на основе личных свидетельств. Подчеркивалось, что его случайная гибель на начальном этапе восстания в итоге стала едва ли не основной причиной, предопределившей последующее поражение восставших, поскольку «на корабле не осталось больше человека, *равного Вакуленчуку по политическому кругозору*»²⁸. Утверждалось, что выдвинувшийся затем в лидеры «политически незрелый», «находящийся под влиянием анархистов» А.Н. Матюшенко не мог действовать стратегически²⁹. Постоянно повторялась информация о вовлеченности в черноморские события находящегося в то время в зарубежной эмиграции В.И. Ленина, который экстренно направил для идейной помощи потемкинцам опытного революционера, большевика М.И. Васильева-Южина, однако тот не успел своевременно прибыть в Одессу. Также заявлялось о революционном единстве солдат и матросов, большой вероятности их успешного совместного восстания при проявлении потемкинцами большей революционной решительности. Однако на самом деле и в Одессе, и в Феодосии находившиеся на берегу воинские подразделения несколько раз встречали потемкинцев ружейным огнем, ставшим причиной гибели нескольких членов экипажа.

По утверждению Ю.П. Кардашева, не подтверждается источниками и сцена накрытия группы зачинщиков мятежа брезентом для последующего расстрела, присутствующая

²⁴ Цит. по: Пономарев И.И. Судьбы героев... С. 141–142.

²⁵ Подробнее о различиях между коммуникативной и культурной памятью см.: Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 50–59.

²⁶ Броненосец «Потемкин» [нотная запись и текст песни] // Огонек. 1955. № 10. С. 13.

²⁷ В ряде текстов ошибочно называется Вакулиенчуком.

²⁸ Пащенко П. Героическая страница истории. К 50-летию восстания на броненосце «Потемкин» // Гудок. 1955. 26 июня.

²⁹ Мусьяков П. «Непобежденная территория революции»...

в фильме Эйзенштейна и затем постоянно упоминаемая как исторически достоверная³⁰. В 1965 г. при создании многофигурной композиции самого известного памятника матросам-потемкинцам в Одессе они были изображены решительно скидывающими с себя брезент, что соответствовало вымышленной сцене из фильма³¹.

Примечательно, что в июне 1955 г. воспоминания потемкинцев активно публиковались на страницах советских периодических изданий, однако знакомство с этими текстами не оставляет сомнений в том, что к ним применялась существенная литературная обработка³². Также в прессе появилось много биографических публикаций о судьбах потемкинцев. Значительное внимание акцентировалось на том, что после добровольного возвращения на Родину они активно включились в дело защиты революции и мирное созидание. Описывались конкретные примеры их участия в Гражданской войне, а для некоторых и в Великой Отечественной войне. Также освещалась их трудовая биография, поскольку большинство из них имело многолетний трудовой стаж на различных предприятиях³³. В таком виде эти тексты не только должны были формировать у читателей гражданственность и патриотизм, но и в определенной степени способствовать трудовой мобилизации советских граждан.

Характеризуя **ритуально-церемониальную (событийную) коммеморацию**, следует отметить, что 25 июня 1955 г. в московском Центральном Доме Советской Армии состоялся торжественный вечер, посвященный 50-летию юбилею восстания на броненосце «Потемкин». Для участия в нем были приглашены потемкинцы из разных городов страны, а также делегация колхозников из Житомирской области с малой родины Г.Н. Вакуленчука, включавшая его родного брата. Помимо торжественных речей и поздравлений, в программу мероприятия был включен просмотр фильма Эйзенштейна «Броненосец “Потемкин”». 26 июня 1955 г. в Колонном зале Дома Союзов состоялось уже более масштабное и официальное торжественное собрание, в котором приняли участие руководители государственных и партийных органов столицы, командование армии и флота, представители офицерского состава³⁴.

В Севастополе (21 июня) и Одессе (26 июня) также состоялись торжественные собрания, посвященные праздничной дате. Они были специально назначены на разные даты, чтобы некоторые потемкинцы смогли принять участие в праздничных мероприятиях в нескольких городах. Помимо прочего, в Севастополе была организована встреча потемкинцев А.М. Лебеда, И.А. Лычева, М.П. Панфилова, И.П. Шестидесятого и А.Ф. Царева с членами Научного Совета Музея Черноморского флота для того, чтобы они фактографически уточнили некоторые детали восстания. Судя по газетному репортажу, описывающему данное событие, его непосредственные участники в основном озвучили достаточно стереотипные воспоминания о трусливом поведении офицеров броненосца, «кознях» меньшевиков, торжественной встрече потемкинцев простыми румынскими рабочими в Констанце и т.д.³⁵ Среди менее официальных юбилейных событий следует назвать республиканский пионерский слет, в ходе которого более тысячи юных участников на теплоходе «Россия» прошли по маршруту от Севастополя до Одессы, по которому 50 лет до этого следовал легендарный

³⁰ Кардашев Ю.П. Восстание. Броненосец «Потемкин» и его команда... С. 468–469.

³¹ На основе анализа комплекса источников Ю.П. Кардашевым было установлено, что впоследствии убитый старший офицер броненосца, капитан 2-го ранга И.И. Гиляровский действительно приказал с какой-то целью принести брезент во время инцидента с группой недовольных матросов, но этот приказ не был исполнен (Кардашев Ю.П. Восстание. Броненосец «Потемкин» и его команда... С. 212, 468–469, 479).

³² Барковский В.П. Полвека спустя. Из воспоминаний участника восстания на броненосце «Потемкин» // Коммунист. 1955. 24 июня; Зиновьев А.С. Это запомнилось на всю жизнь // Знамя коммунизма. 1960. 26 июня; Пазюк П.К. Первый революционный корабль. Воспоминания участника восстания на броненосце «Потемкин» // Запорожская правда. 1955. 26 июня; Поликов П.Е. Знамя на броненосце. Рассказ участника восстания // Московский комсомолец. 1955. 26 июня; Фишков З.И. Незабываемые дни // Защитник Родины. 1955. 25 июня; и др.

³³ Пономарев И. Герои «Потемкина» среди нас // Огонек. 1955. № 10. С. 12–13.

³⁴ Пономарев И.И. Судьбы героев... С. 139–142.

³⁵ Круглов А. Юбилейное заседание // Слава Севастополя. 1955. 22 июня.

броненосец³⁶. Различные памятные мероприятия состоялись также в Киеве, Кронштадте, Ленинграде, Ростове-на-Дону, Таллине, Харькове и других населенных пунктах страны, а также в Бухаресте – столице Румынской Народной Республики³⁷.

Отдельно следует рассмотреть мероприятия **монументальной коммеморации**, которые из-за своей специфики всегда имеют самый длительный период исполнения. Первое решение о сооружении масштабного монумента потемкинцам в Одессе было принято ВКП(б) и ЦИК СССР еще в июне 1935 г. в связи с 30-летием восстания³⁸. Но затем его реализация многократно откладывалась, в том числе с учетом реалий Великой Отечественной войны и трудностей послевоенного восстановления. Однако и новое юбилейное решение 1955 г. не придало достаточной динамики процессу. Вместо 1956 г., указанного в решении Президиума ЦК КПСС, уже упоминавшийся памятник «Потемкинцам – потомки» в центре Одессы был открыт только 27 июня 1965 г., т.е. уже в ходе празднования 60-летия восстания. Персональный памятник-бюст Г.Н. Вакуленчука возле входа в Одесский порт был открыт значительно раньше – в 1958 г., а памятник-бюст в его родном селе Великие Коровинцы – только в 1971 г. Также различные мемориальные сооружения, посвященные восстанию на «Потемкине» и его участникам, в разное время появились в Севастополе, Феодосии и у Тендровской косы.

Наиболее географически отдаленный от Черноморского региона «потемкинский» монумент находится в Камышлове Свердловской области, однако его история очень неоднозначна. В 1951 г. по инициативе руководства одного из местных предприятий на городском кладбище Камышлова был установлен памятник-обелиск на месте группового погребения убитых в дореволюционный период во время попытки побега ссыльных заключенных. Надпись на памятнике и городские предания свидетельствуют, что похороненные здесь якобы являлись осужденными участниками восстания на броненосце «Потемкин», однако их имена не установлены. Версия возникла в 1930-е гг. на основе показаний местных жителей. Авторы отдельных современных исследований после изучения документальных источников достаточно аргументированно утверждают, что убитые заключенные не были моряками и не имели никакого отношения к броненосцу «Потемкин»³⁹.

В целом, если проанализировать географию мемориализации памяти о броненосце «Потемкин», очевидно, что в советский период местом наиболее активных коммеморативных практик, связанных с восстанием, являлась Одесса. Что же касается Севастополя, который как порт приписки и главная база Черноморского флота имел не меньшее отношение к истории броненосца «Потемкин», то здесь доминирующим стал другой сюжет – ноябрьское восстание на Черноморском флоте под руководством «красного лейтенанта» П.П. Шмидта⁴⁰.

О значительной популярности потемкинского сюжета в советский период свидетельствует и его **топонимическая коммеморация**. В разное время решениями местных властей в честь потемкинцев были названы площадь в Одессе и улицы в различных населенных пунктах. Именем Григория Вакуленчука названо не только несколько морских судов⁴¹, но и поселок городского типа в Житомирской области, площадь в Одессе, улицы в Киеве, Кривом Роге, Ленинграде, Мелитополе, Севастополе. Память об Афанасии Матюшенко сохранилась не только в названии нескольких морских и речных судов, но и в назва-

³⁶ Пономарев И.И. Судьбы героев... С. 142.

³⁷ Там же. С. 139, 143.

³⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 596. Л. 25.

³⁹ См.: Морева Е.В. Потемкинцы в Камышлове: Рождение и крушение одной легенды // Климат и природа. 2019. № 2 (31). С. 30–39.

⁴⁰ Подробнее о мемориальном культе лейтенанта П.П. Шмидта в советский период см.: Волков Е.В., Журавлева Н.С., Сибиряков И.И. «Ленинграда черноморский брат»: Севастополь в советской культурной памяти. Челябинск, 2021. С. 185–209.

⁴¹ Название «Григорий Вакуленчук» получил один из танкеров Черноморского пароходства, в 1955–1981 гг. приписанный к порту Новороссийск, а с 1968 г. также минный тральщик Черноморского военно-морского флота.

ниях улиц Астрахани, Донецка, Ленинграда, Одессы, Севастополя, Сум, Харькова. В честь потемкинца Алексея Царева названы улицы в Одессе и Тирасполе.

Юбилейные мероприятия, проводившиеся с участием потемкинцев, активно освещались в советской прессе, при этом неизменно констатировалось, что «герои “Потемкина”, где бы они ни жили, *окружены заботой и вниманием*»⁴². Однако самые важные персонально для потемкинцев решения, включавшие **наградную коммеморацию** и **меры материальной поддержки**, были приняты с некоторой задержкой относительно юбилейной даты. Показательно, что эти вопросы не входили в число первоначального «пакета» юбилейных мероприятий, утвержденного 17 июня 1955 г., и стали обсуждаться только после того, как 24 июня 1955 г. в секретариат ЦК КПСС для рассмотрения синхронно поступило два инициативных письма. Одно из них было адресовано Председателю Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилову и написано известным историком флота, полковником И.И. Пономаревым. Второе письмо один из лидеров потемкинцев И.А. Лычев направил в трех копиях всему высшему государственно-партийному руководству СССР – Н.С. Хрущеву, К.Е. Ворошилову и Н.А. Булганину. В своих письмах Лычев и Пономарев, с одной стороны, благодарили власти за идею празднования юбилея, с другой – просили оказать большее внимание самим потемкинцам, часть из которых получали небольшие пенсии и не были отмечены государственными наградами. И.И. Пономарев также ссылался на имевший в недавнем прошлом прецедент награждения экипажа крейсера «Варяг»⁴³. Действительно, в феврале 1954 г. в рамках празднования 50-летия подвига крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» дожившие до этого времени члены экипажей двух судов были награждены медалями «За отвагу» и получили пожизненную пенсию в размере 600 руб. в месяц⁴⁴.

В итоге решение о награждении потемкинцев было оформлено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 июля 1955 г. Всего наградной список включал 91 человека. И.А. Лычев и Л.П. Шестидесятый, которые входили в созданный на броненосце во время восстания «судовой комитет», были награждены орденом Красного Знамени, а еще 89 потемкинцев – орденом Красной Звезды. На этапе подготовки данный список несколько раз корректировался. Буквально за месяц, пока документы находились на согласовании, выяснилось, что несколько потемкинцев недавно умерли, а посмертное награждение в данном случае не предполагалось. Участие в восстании проживавшего в Ленинграде И.Т. Чубука на тот момент не было признано документально подтвержденным, поэтому его исключили из наградного списка. В то же время на основе представлений местных органов власти в список включили несколько вновь выявленных потемкинцев, в частности проживавшего в деревне Рябчичи Брянской области Ф.М. Антонова и жителя г. Фрунзе Л.М. Ежкова⁴⁵.

Тогда же постановлением Совета Министров СССР для 83 потемкинцев были назначены пожизненные персональные пенсии в размере 600 руб. в месяц⁴⁶. Расхождение в меньшую сторону со списком награжденных было обусловлено тем, что несколько матросов с «Потемкина» на тот момент уже получали персональные пенсии по другим основаниям. Прежде всего, это И.А. Лычев и А.Ф. Царев – самые успешные и общественно активные из числа оставшихся к тому времени в живых потемкинцев. Иван Акимович Лычев (1881–1972) служил на броненосце минно-машинным квартирмейстером 2-й статьи, а во время восстания являлся членом «судового комитета». В советский период он сделал очень успешную карьеру, в том числе в 1929–1932 гг. являлся Генеральным консулом СССР в Великобритании, позже возглавлял рабоче-крестьянскую инспекцию Белорусской ССР, а в 1935–1938 гг. занимал должность управляющего делами ЦК ВКП(б). Именно за эти заслуги перед советским государством он с 1948 г. получал персональную пенсию. Также успешную карьеру в качестве руководителя ряда крупных предприятий в Молдавской ССР

⁴² Пономарев И. Герои «Потемкина» среди нас // Огонек. 1955. № 10. С. 13.

⁴³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 596. Л. 57, 59.

⁴⁴ Антипин Н.А. 50-летие Русско-японской войны в СССР... С. 81.

⁴⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 596. Л. 38.

⁴⁶ Там же. Л. 34–36.

сделал ученик машиниста с «Потемкина» Алексей Федорович Царев (1883–1970). Десять лет спустя, 28 июня 1965 г., потемкинцы И.А. Лычев, А.Ф. Царев и И.П. Шестидесятый стали Почетными гражданами города-героя Одессы.

Нескольких бывших членов экипажа легендарного броненосца (А.Д. Войцеховского, П.Е. Поликова и др.) исключили из списка претендентов на назначение «потемкинской» пенсии по другой причине – ранее они служили на крейсере «Варяг» и с 1954 г. получали за это пенсию также в размере 600 руб. Идея о суммировании героических заслуг и назначении им «двойной» повышенной пенсии в переписке не обсуждалась, видимо сумма месячной пенсии в 1 200 руб. казалась избыточной или же препятствием служили финансово-бюрократические формальности. В отличие от списка награжденных, пенсионный список потемкинцев публично не обнародован.

Впрочем, эта история имела свое продолжение. 23 марта 1956 г. на основе вновь выявленных обстоятельств принят еще один Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденом Красной Звезды уже упоминавшегося И.Т. Чубука, а также еще двух ранее не отмеченных наградами потемкинцев – И.Н. Гусельникова из г. Горький и Г.К. Ракитина из с. Кизил-Тепе Бухарской области⁴⁷. Судя по материалам монографии Ю.П. Кардашева, где помещены биографические справки обо всех (!) членах экипажа «Потемкина» на момент восстания, решение о дополнительном награждении в 1956 г. является неоднозначным. И.Т. Чубука он фактически считает лжепотемкинцем. И.Н. Гусельников действительно был членом экипажа и участвовал в траурном эскорте во время похорон Вакуленчука. Однако на берегу он был арестован, после чего, по данным Ю.П. Кардашева, сотрудничал со следственными органами, письменно засвидетельствовав, что «остается верным государю императору». Комендор Г.К. Ракитин тайно сбежал с «Потемкина» во время его первого захода в порт Констанца, впоследствии не участвовал в революционной деятельности и зарубежных землячествах потемкинцев, вернулся в СССР в 1927 г.⁴⁸ Следует отметить, что награждение экипажей крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец», также по причине выявления новых персональных сведений и различных бюрократических формальностей, потребовало принятия целой серии Указов Президиума Верховного Совета СССР: 8 февраля 1954 г., 24 августа 1954 г., 10 марта 1955 г. и 9 августа 1955 г.⁴⁹

Также при подготовке данной статьи в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) был обнаружен интересный документ, озаглавленный «Список не вошедших в Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении в связи с 50-летием первой русской революции». В этом списке названы сотни лиц, связанных с различными революционными событиями 1905–1907 гг. Среди прочих в нем указываются три человека, в биографических сведениях о которых они называются потемкинцами – Иван Егорович Бугай (1882 г.р.), Тихон Андреевич Клочков (1883 г.р.) и Федор Андреевич Чугунов (1877 г.р.)⁵⁰. Однако ни один из них не входил во второй список награжденных от 23 марта 1956 г. и не упоминается в персональном биографическом указателе членов экипажа броненосца «Потемкин», помещенном в монографии Ю.П. Кардашева. Биография этих лиц требует отдельной реконструкции.

Сопоставление произошедших с небольшим временным интервалом юбилейных награждений государственными наградами экипажей «Варяга» (1954–1955) и «Потемкина» (1955–1956) демонстрирует несколько парадоксальную картину, когда по идеологическим причинам было практически «уравнено» следование воинской присяге и нарушение присяги. При этом, несмотря на равные суммы пенсионного обеспечения, в наградных вопросах с формальной точки зрения выше были оценены все же бунтари с «Потемкина» (получившие ордена), а не оставшиеся верными воинской присяге герои «Варяга» (получившие медали).

⁴⁷ Пономарев И.И. Судьбы героев... С. 159.

⁴⁸ Кардашев Ю.П. Восстание. Броненосец «Потемкин» и его команда... С. 196, 260–261, 362.

⁴⁹ Пономарев И.И. Судьбы героев... С. 155–156.

⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 41. Д. 93. Л. 3, 14, 31.

Таким образом, пример празднования 50-летнего юбилея революционных выступлений на черноморском броненосце «Князь Потемкин-Таврический» в 1955 г. позволяет зафиксировать несколько содержательных характеристик, типичных для советской политики памяти: календарность (юбилейность), идеологическую ангажированность и схематизм интерпретаций исторических событий, отождествление революционной героики и героики боевого подвига. Очевидно также, что основные коммеморативные практики носили публичный характер и были рассчитаны скорее на демонстрационный медийный эффект. В связи с этим непосредственные участники исторических событий использовались не столько для получения достоверной информации о прошлом, сколько для подтверждения «авторитетом очевидца» сложившихся идеологических нарративов. В этом контексте очень показательно, что в юбилейную программу прежде всего оказались включены мероприятия нарративной, ритуально-церемониальной (событийной), монументальной коммеморации, а наиболее актуальные непосредственно для ветеранов меры, связанные с их награждением и материальным поощрением, первоначально не планировались и были реализованы лишь после инициатив «снизу».

Литература

- Антипин Н.А. 50-летие Русско-японской войны в СССР: коммеморативные практики 1954–1955 гг. // Диалог со временем. 2012. Вып. 40. С. 79–93.
- Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
- Волков Е.В., Журавлева Н.С., Сибиряков И.И. «Ленинграда черноморский брат»: Севастополь в советской культурной памяти. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2021. 499 с.
- Гаврилов Б.И. В борьбе за свободу: Восстание на броненосце «Потемкин». М.: Мысль, 1987. 222 с.
- Генкин И.И. Восстание на броненосце «Потемкин Таврический»: К двадцатилетию восстания. М.; Л.: Молодая гвардия, 1925. 80 с.
- Кардашев Ю.П. Восстание. Броненосец «Потемкин» и его команда. Киров: Вятка, 2008. 544 с.
- Лычев И.А. Потемкинцы. Хабаровск: Дальгиз, 1935. 148 с.
- Лычев И.А. Потемкинцы: Воспоминания участника восстания на броненосце «Князь Потемкин-Таврический». 2-е изд., испр. М.: Молодая гвардия, 1954. 136 с.
- Морева Е.В. Потемкинцы в Камышлове: Рождение и крушение одной легенды // Климат и природа. 2019. № 2 (31). С. 30–39.
- Найда С.Ф. Революционное движение в Черноморском флоте в годы Первой русской революции (1905–1907 гг.). Симферополь: Крымиздат, 1950. 112 с.
- Платонов А.В. Броненосец «Потемкин» (к 25-тилетию революции 1905 года и восстания матросов на Черном море). Симферополь: Крымгосиздат, 1930. 28 с.
- Пономарев И.И. Герой «Потемкина». М.: Воениздат, 1955. 176 с.
- Пономарев И.И. Судьбы героев: записки журналиста о поисках матросов крейсера «Варяг» и броненосца «Потемкин». Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1961. 160 с.
- Попов А.Д., Пивоваров Н.Ю., Сак К.В. Ритмы прошлого: первые годовщины Великой Отечественной войны в советской политике памяти 1945–1965 гг. // Российская история. 2023. № 3. С. 95–114.
- Савин А.И. Коммунистический пуризм Н.С. Хрущева и государственная наградная политика «славного десятилетия» // Гуманитарные науки в Сибири. 2022. Т. 29, № 4. С. 55–63.
- Сак К.В. Участники движения Сопротивления во Франции и советская наградная дипломатия (1955–1965 годы) [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2021. № 3 (17). С. 135–146. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-3-15.pdf> (дата обращения: 01.08.2024).
- Столяренко М.А. Непобежденная территория революции (Восстание на броненосце «Потемкин»). М.: Воениздат, 1974. 126 с.

Шугин В.В. Мятёжный броненосец «Потемкин»: в истории и в кино. М.: Вече, 2016. 381 с.

Bascomb N. *Red Mutiny: Eleven Fateful Days on the Battleship Potemkin*. Boston; N.Y.: Houghton Mifflin C°, 2007. XIII, 386 p.

Hough R. *The Potemkin Mutiny*. London: Hamilton, 1960. 176 p.

Zerubavel E. *Hidden Rhythms: Schedules and Calendars in Social Life*. Berkeley: University of California Press, 1985. 224 p.

References

Antipin, N.A. (2012). 50-letie Russko-yaponskoy voyny v SSSR: kommémorativnye praktiki 1954–1955 [50th Anniversary of the Russian-Japanese War in the USSR: Commemorative Practices 1954–1955]. In *Dialog so vremenem*. Iss. 40, pp. 79–93.

Assman, Ya. (2004). *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory: Writing, Memory of the Past and Political Identity in High Cultures of Antiquity]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury. 368 p.

Bascomb, N. (2007). *Red mutiny: Eleven Fateful Days on the Battleship Potemkin*. Boston, New York, Houghton Mifflin C°. XIII, 386 p.

Gavrilov, B.I. (1987). *V bor'be za svobodu: Vosstanie na bronenosetsé "Potemkin"* [In the Struggle for Freedom: Uprising on the Battleship "Potemkin"]. Moscow, Mysl'. 222 p.

Genkin, I.I. (1925). *Vosstanie na bronenosetsé "Potemkin Tavricheskiy": K dvadtsatiletiyu vosstaniya* [Uprising on the Battleship "Potemkin Tauride": On the 20th Anniversary of the Mutiny]. Moscow, Leningrad, Molodaya gvardiya. 80 p.

Hough, R. (1960). *The Potemkin Mutiny*. London, Hamilton. 176 p.

Kardashev, Yu.P. (2008). *Vosstanie. Bronenosets "Potemkin" i ego komanda* [Mutiny. Battleship "Potemkin" and His Team]. Kirov, Vyatka. 544 p.

Lychev, I.A. (1935). *Potemkintsy* [Potemkintsy]. Khabarovsk, Dal'giz. 148 p.

Lychev, I.A. (1954). *Potemkintsy: Vospominaniya uchastnika vosstaniya na bronenosetsé "Knyaz' Potemkin-Tavricheskiy"* [Potemkintsy: Memoirs of a Participant in the Rebellion on the Battleship "Prince Potemkin-Tauride"]. Moscow, Molodaya gvardiya. 136 p.

Moreva, E.V. (2019). *Potemkintsy v Kamyshlove: Rozhdenie i krushenie odnoy legendy* [Potemkin Residents in Kamyshev: The Birth and Collapse of One Legend]. In *Klimat i priroda*. No 2 (31), pp. 30–39.

Nayda, S.F. (1950). *Revolyutsionnoe dvizhenie v Chernomorskom flote v gody Pervoy russkoy revolyutsii (1905–1907 gg.)* [Revolutionary Movement in the Black Sea Fleet during the First Russian Revolution (1905–1907)]. Simferopol', Krymizdat. 112 p.

Platonov, A.V. (1930). *Bronenosets "Potemkin" (k 25-tiletiyu revolyutsii 1905 goda i vosstaniya matrosov na Chernom more)* [Battleship "Potemkin" (On the 25th Anniversary of the 1905 Revolution and the Uprising of Sailors on the Black Sea)]. Simferopol', Krymosizdat. 28 p.

Ponomarev, I.I. (1955). *Geroy "Potemkina"* [Heroes of "Potemkin"]. Moscow, Voenizdat. 176 p.

Ponomarev, I.I. (1961). *Sud'by geroev: zapiski zhurnalista o poiskakh matrosov kreisera "Varyag" i bronenosetsa "Potemkin"* [The Fate of the Heroes: The Journalist's Notes on the Search for the Sailors of the Cruiser "Varyag" and the Battleship "Potemkin"]. Murmansk, Murmanskoe knizhnoe izdatel'stvo. 160 p.

Popov, A.D., Pivovarov, N.Yu., Sak, K.V. (2023). *Ritmy proshlogo: pervye godovshhiny Velikoy Otechestvennoy voyny v sovetskoy politike pamyati 1945–1965 gg.* [Rhythms of the past: The First Anniversaries of the Great Patriotic War in Soviet Memory Politics (1945–1965)]. In *Rossiyskaya istoriya*. No. 3, pp. 95–114.

Sak, K.V. (2021). *Uchastniki dvizheniya Soprotivleniya vo Frantsii i sovetskaya nagradnaya diplomatiya (1955–1965 gody)* [Participants of the Resistance Movement in France and the Soviet Award Diplomacy (1955–1965)]. In *Istoricheskiy kur'er*. No. 3 (17), pp. 135–146. Available at: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-3-15.pdf> (date of accessed 01.08.2024).

Savin, A.I. (2022). *Kommunisticheskiy purizm N.S. Khrushcheva i gosudarstvennaya nagradnaya politika "slavnogo desyatiletia"* [Communist Purism of N.S. Khrushchev and the State Award Policy of the "Glorious Decade"]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. Vol. 29, No. 4, pp. 55–63.

Shigin, V.V. (2016). *Myatezhnyy bronenosets "Potemkin": v istorii i v kino* [The Mutiny Battleship "Potemkin": In History and in Films]. Moscow, Veche. 381 p.

Stolyarenko, M.A. (1974). *Nepobezhdennaya territoriya revolyutsii (Vosstanie na bronenostse "Potemkin")* [Undefeated Territory of the Revolution: (Mutiny on the Battleship "Potemkin")]. Moscow, Voenizdat. 126 p.

Volkov, E.V., Zhuravleva, N.S., Sibiryakov, I.I. (2021). *"Leningrada chernomorskiy brat" Sevastopol' v sovetskoy kul'turnoy pamyati* ["Leningrad Black Sea Brother": Sevastopol in Soviet Cultural Memory]. Chelyabinsk: Izdatel'skiy tsentr YuUrGU. 499 p.

Zerubavel, E. (1985). *Hidden Rhythms: Schedules and Calendars in Social Life*. Berkeley, University of California Press. 224 p.